

HAL
open science

Служить бы рад, работать тошно

Joukovskaia Anna

► To cite this version:

Joukovskaia Anna. Служить бы рад, работать тошно: К истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из "картотеки мотивов"). Бодрова А.; Зенкин С. А.М.П. Памяти А. М. Пескова, РГГУ, pp.94-108, 2013, 978-5-7281-1373-7. <halshs-00692674>

HAL Id: halshs-00692674

<https://shs.hal.science/halshs-00692674>

Submitted on 1 May 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

В гостиной на Новоалексеевской - желтый свет сентябрьского солнца. «Друзья мои, составьте картотеку мотивов. Вы знаете, что такое картотека мотивов? Берете полное собрание сочинений Маяковского»...

Алексей Михайлович научил меня читать.

Служить бы рад, работать тошно:

«Картотека мотивов» к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи

В терминологии, применяемой в трудах по истории России средневековья и нового времени, заметны две различные группы анахронизмов. Первую группу образуют слова и выражения, которые в изучаемую эпоху еще не входили в состав русского языка. *Феодализм, абсолютизм, бюрократия, клиентелизм, класс, сословие, правящая элита...* - эти слова постепенно входят в употребление начиная со второй половины XVIII века. В современной историографии эти и другие лексические анахронизмы, как правило, подвергаются обсуждению и употребляются согласно известным дефинициям, функционируя именно как научные термины (независимо от того, приходят историки или нет к единому мнению относительно их уместности и их значения). Ко второй группе относятся семантические архаизмы - современные слова и выражения, которые в изучаемое время уже вошли в употребление и значение которых изменилось с ходом веков. Некоторые из них - *государство, жалованье, чин, честь, кормление, порука ...* - также становятся предметом дискуссий, выявляющих более или менее значительные расхождения между историческим и общеупотребительным значением,¹ что позволяет определить правила историографического употребления таких слов.

Представляется, однако, что выявление и критика семантических

* Научный сотрудник Центра исследований России, Кавказа и Центральной Европы (Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen / Centre national de la recherche scientifique / École des hautes études en sciences sociales, Paris)

1 Dewey H.W., Kleimola A.M. «Suretyship and collective Responsibility in pre-Petrine Russia» / *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 18, 1970. С. 337-354; Bennett H.A. «Evolution of the Meaning of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik Revolution» / *California Slavic Studies*, Vol. 10, 1977, С. 1-43; Dewey H.W. «Political poruka in Muscovite Rus'» / *Russian Review*, 46-2, 1987. С. 117-134; Ingerflom C.S. «Oublier l'État pour comprendre la Russie ? (XVIe-XIXe siècle) : excursion historiographique / *Revue des études slaves*, 66-1, 1994. С. 125-134; Davies B. «The politics of give and take: *Kormlenie* as service remuneration and generalized exchange, 1488-1726» / A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff (eds.). *Culture and identity in Muscovy, 1359-1584*. М., Гарант, 1997. С. 38-67; Kollmann N.S. *By honor bound: state and society in early modern Russia*. Cornell University, 1999; Енин Г.П. *Воеводское кормление в России в XVII в.: Содержание населением уезда государственного органа власти*. СПб., 2000; Berelowitch A. *La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVIe-XVIIe siècles*. Paris, Seuil, 2001; Kosheleva O.E. «L'honneur et la caution» // *Cahiers du monde russe*, 50/2-3, 2009. С. 361-380.

анахронизмов далеко не закончены. В частности, изучая историю административного управления России, можно констатировать важные, устойчивые и очень распространенные семантические расхождения между языком историков и их источников, которые остаются неосмысленными, а порой и просто незамеченными. В настоящей статье начато сравнительное исследование способов лексического обозначения дьяков, подьячих и свойственных этим чинам видов деятельности, с одной стороны в специальной научной историографии и, с другой стороны, в пока ограниченном и требующем расширения корпусе опубликованных и архивных источников официального и частного происхождения XVI - первой трети XVIII вв. (законодательные акты,² делопроизводственные документы приказов и местных учреждений,³ эпистолярные источники,⁴ «прожекты» и сочинения⁵). Как будет показано в заключении, полученные предварительные результаты позволяют сформулировать гипотезу, несколько по-новому освещающую эволюцию «протобюрократии» в период перехода от Московского государства к Российской империи.

Заметим, что в настоящей статье мы не рассматриваем употребление историками лексических анахронизмов, таких как *чиновничество*, *бюрократия*, *администрация*, *officials* и проч.

* * *

Русская дореволюционная, советская, постсоветская и западные историографии демонстрируют значительное единодушие в выборе лексики для определения деятельности дьяков и подьячих, а также для коллективного обозначения носителей этих чинов.⁶ «Профессиональные» занятия дьяков и подьячих в приказах и подчиненных учреждениях принято называть *службой*: *служить в приказе*, *приказная служба*, *канцелярская / государственная / гражданская / статская служба*, *chancellery civil / state service*. Стандартным групповым обозначением дьяков и подьячих являются выражения *приказные люди*, *приказные / канцелярские / государственные служащие / служители*, *chancellery / civil / state servitors*. Как будет показано ниже, все эти выражения оказываются семантическими анахронизмами: их употребление в

2 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Подг. текстов Р. Б. Мюллер. Ленинград, Наука, 1986. Далее ЗАРГ; Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии / Подг. текста Л. И. Ивиной. Ленинград, Наука, 1987. Далее Соборное уложение; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1–7. Далее ПСЗ; Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Том I: Акты о высших государственных установлениях / Ред. Н.А. Воскресенский. Москва–Ленинград, АН СССР, 1945. Далее ЗА.

3 Из фондов Российского государственного архива древних актов. Далее РГАДА.

4 Письма и бумаги Петра Великого. СПб. и Москва, 1887–1992. Т. 1–13. Далее ПиБ.

5 *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., РОССПЭН, 2000; *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., Наука, 2004; *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., ГПИБ России, 2000.

6 Представительная библиографическая выборка приведена в статье Питера Брауна: *Brown P.B.* «Bureaucratic administration in seventeenth-century Russia» / Jarmo Kotilaine, Marshall Poe (eds.). *Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia.* RoutledgeCurzon, 2004. С. 57–59.

историографии и в источниках заметно различаются.

Служба

В XVI – начале XVIII в. существительное *служба* без эпитетов имело два основных значения. Во-первых, это определенная форма зависимости одного лица от другого, подданство: «А похотят кому в службу бити челом и кабалу на себя дать», «А кто новокрещена примет к себе в службу и крепость на него возмет».⁷ Во-вторых, это действия, исполнение которых «слуги» брали на себя в знак верности своему «государю». Когда речь шла о государе царе, существительное *служба* без эпитета и синонимическое выражение *государева служба* означали прежде всего ратное дело в широком смысле слова: не только боевые действия, но и подготовку военного снаряжения, пребывание в полках, нахождение в городских гарнизонах, участие в походах: «А где велит Государь мне быти на своей Государеве службе, и мне будучи на его Государеве службе, ему Государю служитьи и с недруги его с Крымскими, и с Нагайскими, и с Литовскими, и с Немецкими людьми битися за него Государя, не щадя головы своей до смерти».⁸

В невоенном значении существительное *служба* встречается в источниках при обозначении обязанностей тяглых людей: «Тяглые службы служить с посадскими в ряд», «поместья устроить к посадом податями и службами»,⁹ «а будет кому гостем или торговым людем даны будут государевы жаловальные грамоты [...] за службы и за таможенные и кабацкия приборы».¹⁰ Григорий Котошихин пишет, что если гости и торговые люди, будучи у сборов, учиняют прибыль, то «им за тое службу от царя бывает похвала».¹¹ Помимо этого, существительным *служба* могло обозначаться воеводство (с характерным уточнением, что данная служба является «неполковой»), а также участие в посольствах: «Которые будут на государеве службе в полках, или в послех, или в посланниках, или в гонъцах»¹² (ср. у Котошихина: «Когда кому бывает служба посолская и воинская»¹³).

В отношении видов деятельности свойственных дьякам и подьячим существительное *служба* систематически употреблялось только в двух контекстах, а именно когда дьяки и подьячие находились в полках и при посольствах (в обоих случаях их обязанности заключались в письмоводстве): «Бывал на службах великого гсдря в полках боярь и воевод для писма полковых дель»,¹⁴ «за ево Микифоровы службы что онъ был во 193 году на крымской посолской розмене в Переволочне».¹⁵

7 Соборное уложение 1649 года. Гл. XX, ст. 37, 38.

8 Присяга разных чинов царю Алексею Михайловичу, 1653 г. (ПСЗ Т. 1, N 114. С. 309).

9 Соборное уложение, Гл. XIX, ст. 8, 9, 11, 12.

10 Соборное уложение, Гл. XVIII, ст. 8.

11 Котошихин Г. К. О России... Гл. 10, ст. 6. С. 165.

12 Соборное уложение, Гл. X, ст. 149.

13 Котошихин Г. К. О России... Гл. 7, ст. 8. С. 120.

14 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Лл. 42-147, 353-496. Сказки севских подьячих об их служебном, имущественном и семейном положении, с указанием их происхождения, 1705 и 1706 гг. Здесь л. 394об.

15 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 20. Д. 14. Севской разрядной избы подьячие, с подробными сведениями об

Встречаются редкие примеры употребления подьячими существительного *служба* для обозначения своей работы у письма при воеводах и вне полков: «Во 184 году был онъ з бояринам и воеводаю со кнземъ Михаилом Григоревичем Ромодановскм севского полку в городех для розбору ратныхъ всяких чинов людеи и будучи на службе великого гедря писменным делом работал». ¹⁶ Однако как правило, в таком контексте употреблялось слово *посылка*: «Бывал на службах великого гедря в полкех бояр и воевод и во многих московских и киевских и розныхъ городских и уездных посылках для гедрвых всяких дел». ¹⁷

Площадные подьячие конца XVII столетия изредка употребляли выражение *площадная служба*. ¹⁸ Возможно, это было связано с узаконенной практикой регулярного использования площадных подьячих для посылок ¹⁹ (к этому вопросу мы вернемся ниже, в связи с обсуждением глагола *служить*).

Отдавая должное внимание примерам, приведенным в предыдущем абзаце, следует тем не менее подчеркнуть, что для обозначения деятельности дьяков и подьячих в приказах и приказных учреждениях, при которых они состояли на постоянной основе, существительное *служба* не использовалось вплоть до начала XVIII в. В языке предыдущих столетий имелись для этого другие выражения, а именно: *сидеть в приказе (приказное сиденье), работать в приказе, быть у государевых дел, делать приказные дела, работать приказную работу*: «А твои государевы дьяки и подьячие [...] будучи беспрестанно у твоих государевых дел и обогатев многим богатством»... ²⁰ За указанными выше редкими исключениями, различие *службы* и *приказной работы (приказного дела)* проводится в источниках с большой последовательностью, как в текстах правительственных распоряжений, так и в языке самих дьяков и подьячих: «Список наличной хто зачем в службу и в подьячие не написан», «а сыну ево Борису быть в службе в салдатех что он Борис приказного дела не знает», «а я Михаила за увечья от службы отставлен [...] и велено мне быть в Севску в тамошне в подьячих». ²¹

Различию на языковом уровне соответствовало различие на практике. Во время разборов, подьячих неизменно смотрели отдельно от «всяких чинов служилых людей». При введении в 1706 г. оклада «вместо службы», обложению подверглись не только отставные подьячие и их несовершеннолетние сыновья, но и те подьячие, которые в то время действительно «управляли государевы дела». ²² В 1708–1709 гг. подьячих вызывали в Разряд на смотр «для службы», но многих отсылали «по прежнему к делам», обложив, «вместо службы», окладом «на жалованье ратным людям». ²³ В 1715 г., когда городских подьячих разбирали

их службе. Л. 434.

16 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 20. Д. 14. Л. 419 об.

17 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Л. 443 об.

18 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Л. 353 об.

19 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Лл. 14, 19об–21 об.

20 Сказка дворян и детей боярских, поданная на Земском соборе 1642 г., цит. по: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. N 113.

21 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Лл. 11, 2в.

22 РГАДА Ф. 210. Оп. 8. Вязка 37. Д. 49. Лл. 11–11 об. Документы о назначении и высылке на службу подьячих в приказы, города и полки (1706 г.).

23 РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 52270. 2 лл. Дело о возвращении писца суздальских крепостных дел в

для «выбора в службу», всем участникам этого процесса было ясно, что речь шла о службе в армии – и подьячие бежали с дороги в столицы, «не похотя в высылку в службе быть».²⁴

Особое внимание соотношению понятий *служба* и *приказная работа* посвятила Н.Ф. Демидова. Историк датировала широкое распространение выражения *приказная работа* серединой XVII столетия и указала, что с 1660-х гг. деятельность дьяков и подьячих в приказах и приказных учреждениях стала называться приказной работой, тогда как аналогичная деятельность этих же чинов при полках и посольствах называлась службой. Демидова полагала, что до этого момента слово *служба* могло обозначать как ратное дело, так и письмоводство и что понятие государевой службы включало оба эти вида деятельности. Употребление выражения *приказная работа*, по мнению Демидовой, указывало на развитие внутри комплексного понятия государевой (государственной) службы своеобразной градации чести: приказная работа считалась менее почетной формой государевой службы, чем служба.²⁵ Как видим, принятие данной интерпретации предполагает согласие с мыслью, что носители русского языка второй половины XVII века не испытывали потребности или не были в состоянии выразить на лингвистическом уровне присутствовавшее в их сознании представление о том, что приказная работа является составной частью понятия служба.

Представляется, что на основании имеющихся материалов можно сформулировать другую гипотезу, не менее правдоподобную с точки зрения социальной истории управления Московского государства в ее современных формах и, возможно, более удовлетворительную в плане интерпретации языка источников. Можно предположить, что понятие службы изначально исчерпывалось ратным делом и отдельными видами неполковой службы (воеводство, посольство), тогда как деловое письмо являлось работой, неблагородным видом деятельности, ассоциировавшимся с физическим трудом, и, соответственно, не могло входить в понятие службы. Появление в источниках выражения *приказная работа* в одном ряду со словом *служба* можно расценить как проявление стремления со стороны дьяков и подьячих поднять престиж приказной работы до значения службы. По мере того как приказная работа становилась основным видом деятельности значительного и постоянно растущего числа дьяков и подьячих - тогда как «службы» постепенно отходили для большинства из них на второй план - , носители этих чинов осознавали необходимость закрепить именно за приказной работой привилегии (жалованье), изначально связанные преимущественно со службой.

Служить

Суздаль после смотра в Разряде.

24 РГАДА Ф. 248. Оп. 121. Д. 21. 2 лл. Контора Сената. Дело о посылке князя Солнцева-Засекина в разные города для подыскания там подьячих годных на службу в Москве. Здесь л. 1 об.

25 Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании бюрократии. М., Наука, 1987. С. 52-153.

Следует также рассмотреть, в рамках интересующей нас темы, употребление в источниках глагола *служить*. Очевидно, что основным значением этого слова, также как и существительного *служба*, была определенная форма зависимости одного лица от другого, в том числе от царя: «Яз, имярек, целую крест Господень Государю своему, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси [...] на том, послужити мне ему Государю своему»;²⁶ «Которые люди учнут у ково послужити добровольно без крепости», «хто послужит по земли и государь их жалует».²⁷

Сложнее обстоит дело с выявлением конкретных видов деятельности, к которым применялся данный глагол. В отношении дьяков и подьячих, в XVI–XVII вв. практика употребления глагола *служить* соответствовала описанному выше употреблению однокоренного существительного. Дьяки и подьячие могли «служить письменными делы» лишь в случае выезда в полки или посольства, а в остальных ситуациях эта деятельность обозначалась другими глагольными выражениями: «За дворяны, которые служат из городов по выбору, велено подмосковного поместья учинити по 50 чети за человеком. За подьячими, которые сидят у дел по приказам, в Московском уезде быть поместьем по 8 чети за человеком».²⁸

Особенный случай представляет использование некоторыми площадными подьячими выражений «служу и работаю (великому государю) с площади» и «служу с площади», которое впервые привлекло наше внимание при изучении сказок подьячих г. Севска 1706 г.²⁹ Употребление предлога *с* наводит на мысль об аналогии с выражением *служить с поместья* или такими фразами как «в городех подати платити и всякие службы служить с тамошних городских их торгов и промыслов».³⁰ Заметим, что выражение *служить с* употребляется подьячими относительно площади, но не приказной избы. Вероятно, данное выражение зародилось в среде служилых людей, которые писали на площади в свободное от ратной службы время. На такую интерпретацию наводит, в частности, следующий пассаж из челобитной «Посольского приказу площадных подьячих розных полков стрельцов»: «По вашему великих государей указу кормимся мы, холопы ваши, у Посольского приказу на площади писмишком своим многие годы; а для ваших великих государей служб на время площадных своих мест никому [...] не поступываемся».³¹ Стрельцы просили ограничить количество площадных подьячих «указным числом», чтобы «нам, холопом вашим, за службишка наши было чем прокормитца». Характерно, что в упомянутых выше сказках севских подьячих все 26 человек, употребивших выражение *служу с площади* являлись «служилых отцов детьми». Чем именно «служили» подьячие, объявлявшие, что они «служат с площади»? Согласно сказкам, те из них, кто был поверстан в служилые чины, выезжали в полки для ратного дела, а прочие посылались в посылки в качестве

26 Форма присяги разных чинов царю Алексею Михайловичу, 1653 г. (ПСЗ Т. 1, N 114. С. 308 и след.).

27 ЗАРГ NN 9, 11.

28 ЗАРГ N 44.

29 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Лл. 50 об. и след.

30 Соборное уложение Гл. XIX, ст. 35.

31 Челобитная от января 1691 г. Опубликовано в: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 164.

гонцов. Таким образом, глагол *служить* использовался всеми этими лицами традиционным образом, а не для обозначения письменоводческой деятельности.

Тем не менее, в подьяческих сказках начала XVIII в. нам встретились выражения *служу в подьячих* и *служу в площадных подьячих*.³² Такие примеры крайне редки, однако они показывают, что к этому моменту в языке подьячих наметилась возможность использования глагола *служить* в качестве синонима глагола *работать* и выражений *сидеть у дел*, *быть у дел*.

Приказные люди

Можно предположить, что для многих историков привычка объединять дьяков и подьячих под выражением *приказные люди* является, прежде всего, результатом метонимии по признаку смежности - как известно, подавляющее большинство дьяков и подьячих состояли при приказах. Однако некоторые специалисты идут дальше, утверждая, что данное наименование находится в источниках и является коллективным самоназванием дьяков и подьячих. Глухо ссылаясь на некую «официальную документацию», Н.Ф. Демидова утверждает, что словосочетание *приказные люди* первоначально означало судей и управителей разных чинов (стрелецких сотников, управляющих избами в дворцовых волостях и др.), но в XVII веке получило значительно более широкое и устойчивое распространение применительно к дьякам и подьячим.³³

Конкретных примеров такого словоупотребления нам обнаружить не удалось. Выражение *приказные люди* изначально служило для коллективного обозначения лиц, обыкновенно холопского состояния, которым князья поручали важные обязанности по управлению хозяйством и судебными процедурами в своих уделах. Среди них на видном месте фигурировали дьяки, однако подьячие, безусловно, не входили в эту группу.³⁴ В Московском государстве выражение *приказные люди* использовалось для собирательного обозначения управителей разных чинов. В законодательных актах XVI–XVII вв., включая Соборное уложение 1649 г., «приказные люди» «судят», «ведают дела», «имают пошрины», «посылают гонцов», «дают кабалы», «высылают ратных людей» и осуществляют разные другие действия, связанные с принятием решений и отдачей приказов.³⁵ Причем, если источники не проводят четкой грани между дьяками и приказными людьми («Суд государя царя [...] судить бояром, и околничим, и думным людем, и дьяком, и всяким приказным людем», «впредь воеводам, и дьяком, и всяким приказным людем на службах вотчин не покупать»³⁶), то подьячие определенно ассоциируются не с миром управителей, а с миром подчиненных, или «мелких людей»: «Которые люди вперед учнут продавати в Китае городе дворы [...], и тех дворов за иноземцы, и за подьячими,

32 РГАДА Ф. 210. Оп. 6г. Кн. 32. Л. 135 об., 436 об.

33 Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 16.

34 Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в). М., Наука, 1971. С. 58-65.

35 ЗАРГ NN 106, 169, 173, 187, 203, 209, 248, 255, 268, 286 и др.; Соборное уложение Гл. VII, ст. 2; Гл. X, ст. 1, 5, 6, 24, 130, 142, 251; Гл. XVIII, ст. 30, 43, 44, 64; Гл. XX, ст. 6, 28, 48, 58, 72, 73, 107; Гл. XI, ст. 3, 19, 20, 104.

Тоже о патриарших приказных людях: Соборное уложение Гл. XII, ст. 2.

36 Соборное уложение Гл. X, ст. 1; ЗАРГ N 209.

и за иными мелкими людьми записывать не велел».³⁷

Систематическое изучение социального и имущественного положения дьяков и подьячих XVII столетия убедительно показало, что «приказная группа» не обладала внутренним единством. Думные дьяки и богатейшая часть дьяков сливались с землевладельческой элитой, местные подьячие сближались со служилыми и посадскими слоями своих городов, и только относительно бедная часть дьячества и московские подьячие действительно имели общую и специфическую социальную физиономию.³⁸ Любопытно, что в трудах некоторых историков эти выводы соседствуют с несколько противоречивым утверждением, что в ходе XVII столетия дьяки и подьячие сформировались в «особую социальную прослойку», которую объединяла грамотность, профессионализм, особая этика, основанная на приоритете способностей над происхождением, и нормативная бюрократическая ментальность.³⁹ Если с аргументом грамотности можно согласиться без особых оговорок (примеры дьяков и подьячих, которые были неграмотны или «приказного дела не знали», остаются исключениями из правила), то остальные утверждения кажутся небесспорными. В настоящей статье было бы неуместно вступать в развернутую дискуссию по поводу профессионализма (который оспаривается, например, данными о массовой вовлеченности подьячих в торговлю и предпринимательство⁴⁰), меритократической этики (вспомним о доказанной тенденции дьяков к слиянию со средой дворянства и их стремлении к местничанию⁴¹) и бюрократической ментальности (наличие рутинного формализованного письменного делопроизводства не служит достаточным доказательством нормативного поведения его агентов⁴²). Подчеркнем лишь, что дьяки и подьячие не ввели в употребление никакого общего коллективного самоназвания - утверждение о том, что в XVII столетии они носили «объединенное наименование приказных людей»⁴³ ошибочно. Эта ситуация меняется лишь в начале XVIII века, в ходе преобразований аппарата управления, предпринятых Петром I.

Еще раз о реформах Петра Великого

37 ЗАРГ N 227.

38 Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 192; Brown, P. B. Early modern Russian bureaucracy: The evolution of the chancellery system from Ivan III to Peter the Great, 1478-1717. PhD. University of Chicago, 1978. Гл. 2-10;

39 Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 3; Brown P.B. «Bureaucratic administration...» С. 70-75; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. Гл. 9-10.

40 Жуковская А.В. «Животы и промыслы» подьячих на рубеже XVII-XVIII вв. (по материалам г. Севска) / Уральский исторический вестник. В печати.

41 Богоявленский С.К. «Социальное происхождение и служба дьяков XVII века» / Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. М., Языки славянской культуры, 2006. С. 390-410.

42 Kivelson V.A. Autocracy in the provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. Stanford University Press, 1996. Гл. 4-5; Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.). Екатеринбург, Волот, 2007. Гл. 4-5.

43 Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 3.

Как мы отметили выше, в 1700-ые гг. изменения в употреблении интересующих нас слов и выражений остаются ограниченными. Слово *служба* по-прежнему не употреблялось для обозначения деятельности дьяков и подьячих в приказах, приказных учреждениях и на площадях. Зато относительно глагола *служить* можно заметить, что, если не официальные источники, то по крайней мере подьячие начали применять его к своему чину («служить в подьячих», «служить на площади»). Выражение *приказные люди* сохраняло традиционное значение судей и управителей. Тем не менее, появляются примеры его употребления в качестве коллективного названия персонала административных учреждений.⁴⁴

Более смелые языковые изменения в данной области становятся заметны начиная с середины 1710-х гг., что определенно связано с началом подготовки замышлявшихся Петром I реформ аппарата управления. Существительное *служба*, помимо отмеченных выше традиционных смыслов, начинает использоваться в значении государственной или всенародной пользы: «Сие так дерзостно учинил, обнадая, что сие произыдет в службу вашего величества».⁴⁵ Если выражение *служилые / служивые люди* сохраняется и сохраняет свое сугубо военное значение, то в других словосочетаниях слово *люди* постепенно вытесняется существительным *служители*. Важно, что новый синоним употребляется не только в ранее не существовавших словосочетаниях (*артиллерские / морские служители*), но и видоизменяет традиционные выражения. К примеру, Петр I называл служителями носителей низших придворных чинов, к которым традиционно применялось собирательное название *дворовые люди*.⁴⁶

К персоналу приказов и канцелярий слово *служители* было применено не сразу. Петр I в течение нескольких лет опробовал несколько вариантов: «Все чины которые у дел приставлены военных, гражданских» (1714 г.), «зделат о гражданских и коллежских рангах ведомости» (1719 г.), «жалованье служивым людем сухопутным и морским, гражданским управителем и прочим» (1719 г.).⁴⁷ В подготовительных материалах к созданию коллегий, написанных Генрихом Фиком и переведенных на русский язык, царь и сенаторы не могли не обратить внимания на необычные словосочетания *служители коллегий* и *гражданские служители* (1718 г.).⁴⁸ Первое из них сразу вошло в употребление («Коликое число в которой Калегии служителей каких чинов надлежит быть», 1719 г.),⁴⁹ стало устойчивым и обросло вариантами: *коллежские / канцелярские /*

44 ЗА N 327, с. 266 и след; РГАДА Ф. 905. Оп. 1. Д. 781. Севская провинциальная переписная канцелярия. Настольный реестр входящих документов. Лл. 21, 136; Ф. 396. Оп. 2. Д. 987. Дела и документы Оружейной палаты по денежным расходам 1702–1703 гг. Лл. 391–492 об.; Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Подлинные представленные в Ближнюю канцелярию, месячные и годовые ведомости, о приходе и расходе денежной казны Оружейной палаты за 1703–1704 гг. Л. 3.

45 Изъявления прибыточные государству Федора Салтыкова (1714 г.): *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого... С. 181.

46 ПиБ Т. 13-1 (1713 г.). С. 166–167.

47 В им. указе 1714 (ЗА N 252, с. 211–212); в заметке Петра от 19 марта 1719 (ЗА N 274, С. 227–228); в им. указе от 9 мая 1719 (ЗА N 276, с. 229).

48 ЗА N 269, с. 222, 224.

49 ЗА N 277, с. 230.

конторские служители,⁵⁰ а также *приказные служители*.⁵¹ Зато словосочетание *гражданские служители* акклиматизировалось в русском языке, видимо, уже после петровского царствования. Примечательно, что его нет ни в Табели о рангах, где находим лишь выражение *статские чины*, ни в записках Петра I, который до конца жизни продолжал пользоваться словосочетанием *гражданские чины* и даже старинным выражением *у дел*: «О смотре людей которые у дел, чтоб выбрать в Колегии из оных».⁵²

Кажется удивительным тот факт, что описанные изменения далеко не сразу отразились на употреблении существительного *служба*. Неологизмам *гражданский* и *статский*, моментально прижившимся в официальных документах в качестве эпитетов к слову *дело* («все чины которые у дел приставлены военных, гражданских»⁵³), никак не удавалось встретиться с существительным *служба*. Так, в Пунктах к Табели о рангах слово *служба*, как в старое доброе время, употребляется исключительно в отношении военных чинов.⁵⁴ В одной из записных книжек Петра I, датируемой концом 1720 – началом 1721 г., содержится интересная фраза: «От которова рангу в штатских делах вступат снизу в службу».⁵⁵ На первый взгляд, существительное *служба* применено здесь к гражданской сфере. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что в данном случае царь размышлял о дворянах и о должностях с управленческим значением,⁵⁶ т.е. здесь подразумевалось не письмоводство, а неполковая служба служилых людей.

Тот факт, что словосочетания *гражданская / статская служба* и *гражданские / статские служители* так и не сложились при Петре I, подтверждает наше представление о сохранении существительным *служба* преимущественно военных коннотаций. На таком фоне текст Генерального регламента 1720 г. решительно выделяется своей концептуальной новизной. С одной стороны, делопроизводство и письмоводство обозначены в этом документе не словом *служба*, а традиционным выражением *приказная работа* или его обновленным вариантом *канцелярская работа*. Однако, с другой стороны, в Генеральном регламенте провозглашен общий для сферы «гражданских дел» принцип о том, что всякий побывавший в публичном наказании «к службе Е.В. допущен да не имеет быть».⁵⁷ В московскую эпоху пойманных на злоупотреблениях подьячих отставляли от *дел* – Петр I обещает отстранять их от *службы*. В данной фразе существительное *служба* несомненно употреблено в значении гражданских дел, поскольку известно, что провинившийся канцелярист имел возможность податься в солдаты или матросы. Генеральный регламент в беспрецедентно ясной форме проводит

50 ЗА N 291, с. 242; ЗА N 327, с. 266 и след.; Генеральный регламент (ЗА N 400).

51 РГАДА Ф. 442. Оп. 1. Д. 1711. Журналы Севской провинциальной канцелярии, 1728 г.; РГАДА Ф. 905. Оп. 1. Д. 781. Л. 191.

52 ЗА N 292, с. 242.

53 ЗА N 252, с. 211–212 (1714 г.).

54 Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., Наука, 1974. С. 106

55 ЗА N 102, с. 91.

56 Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С. 94.

57 ЗА N 400, с. 508.

мысль о том, что статские чины, от президента коллегии до последнего канцелярского служителя составляют в глазах государя единое целое. Он обращен сразу ко всей иерархии и предлагает единую для всех присягу - «к службе и пользе Е.И.В.»⁵⁸. Всякий, кто «свое дело знает и прилежно оно отправляет» объявлен «истинным служителем» государя.⁵⁹ Деятельность каждого из «людей, которые у дел» охарактеризована верховной властью как служба. Таким образом, текст Генерального регламента 1720 г. показывает, что к моменту его создания гражданские дела в полном объеме – не только суд и управление, но и деловое письмо – вошли, наконец, в состав значений существительного *служба*.

Хорошо известно, сколь неполным было претворение в жизнь требований Генерального регламента. Однако единая присяга статских чинов не осталась мертвой буквой закона, как видно из многочисленных делопроизводственных источников, в том числе провинциального происхождения: «Севская правинская канцелярия приказали, севского обывателя Ивана Каменева по силе генерального регламента 32 главы определить севскои правинцыи в ратуше и в таможни в копеисты и в верности к службе его императорскому величеству привести к присяге».⁶⁰ Впрочем, было бы неверным заключить, что, начиная с 1720 г., слово *служба* стало столь же естественно употребляться в значении гражданских дел, что и в традиционном военном значении. Коллежские служители и в конце 1730-ых гг. зачастую не пользовались словом *служба*, а писали о себе: «Всего бытия его у дел тритцать лет» или «обретаецца у дел е.и.в.».⁶¹

Заключение

Вхождение приказной работы в понятие службы оставалось немислимым до тех пор, пока обязанность водить пером по бумаге воспринималась как унижение. Верхом успеха дьяческой карьеры было сокращение до минимума необходимости собственноручно писать - Котошихин не даром замечал, что «думной дьяк приказывает подьячему, а сам [грамоты] не готовит, толко чернит и прибавливает, что надобно и ненадобно».⁶² Не неграмотность, конечно, а именно культурный статус письма как работы не позволял московским государям и представителям знати публично брать в руки перо, которое в этом смысле ничем не отличалось от топора. В данной области Петр I заложил основу, в отсутствие которой подъем социального престижа чинов, которые писали для царя, был бы немислим - царь сумел расправиться с древним культурным предубеждением русского общества против делового письма как формы физического труда. Начав собственноручно писать публичные акты, Петр I не оставил выбора и своим вельможам. Если в XVII в., по словам

58 ЗА N 400, с. 483–484.

59 ЗА N 400, с. 507.

60 Запись из Журнала Севской провинциальной канцелярии 1728 г. (РГАДА. Ф. 422. Севская провинциальная канцелярия. Оп. 1. Д. 1711. Л. 281).

61 Серов Д. О. Администрация... С. 252–258.

62 Котошихин Г.К. О России... С. 45–46.

Котошихина, «бояре ни х каким делам [...] руки своей не прикладывают, для того устроены они, думные дьяки»,⁶³ то не менее аристократичным петровским государственным деятелям пришлось свыкнуться с необходимостью манипулировать пером после именного указа 1707 г. о ведении протоколов заседаний Ближней канцелярии с приказом, чтобы «каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость [профессор Брикнер прочел это слово как «мудрость»] явлена будет».⁶⁴

Следующий шаг, как было показано выше, оказался сделан в ходе реформ аппарата управления 1720-х гг., когда верховная власть провозгласила принцип, согласно которому канцелярская работа являлась столь же необходимым видом деятельности, что и ратное дело, и, таким образом, создала импульс, под действием которого традиционное военное значение существительного *служба* начало отходить на второй план, уступая первенство значению деятельности на пользу государю и государству. В екатерининскую эпоху уже не казалось удивительным, когда чиновник, далекий от военного дела, восклицал: «Кажется, на что б я не пустился, к службе моему отечеству и моей всемилостивейшей Императрице!»⁶⁵ А в XIX столетии сама постановка вопроса о принадлежности письмоводства к понятию службы вызвала бы недоумение: «С большим трудом и с помощью дядиных протекций, проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он наконец место списывателя бумаг в каком-то департаменте... и скоро свыкнулся с службою».⁶⁶

Тем не менее, как нам хорошо известно, ни в царствование Петра I, ни позднее, такая эволюция понятий разделялась далеко не всеми. Иван Посошков, в изданной в 1724 году «Книге о скудости и богатстве» употребляет слово *служба* исключительно в значении ратного дела, а говоря о коллегиях и канцеляриях пользуется традиционной терминологией (судьи, подьячие, приказные люди, приказная работа). Посошков даже отрицает понятие неполковой службы воевод и других судей и управителей, признанное Соборным Уложением. «А убогие дворяня служат и с службы мало съезжжают, инии лет по дватцати и по тритцати служат. А богатые, лет пять-шесть послужа, да и промышляет, как бы от службы отбыть да добитися б к делам и, добившись к делам, век свой и проживают», – пишет Посошков, уточняя, что под «делами» он подразумевает комиссарство, судейство и «иные управления»; молодые богатые дворяне «не то что службы, но, чаю, и караулу мало знают. И, живучи у дел, вместо военного дела учатся, как наживать, да век свой без службы провожать».⁶⁷ Несмотря на то, что Посошков признает важность роли судей для благосостояния общества, в его глазах никакая деятельность, предоставляющая

63 Котошихин Г.К. О России... С. 46.

64 ЗА N 238, с. 196; Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М., Сварог и К, 2000. С. 586.

65 Письмо Г. Р. Державина П. С. Потемкину (1774 г.), цит. по: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М., РОССПЭН, 1999. С. 251.

66 Гоголь Н. В. Мертвые души. М., Художественная литература, 1969. С. 303–304.

67 Посошков И. Т. Книга о скудости... С. 95–96.

потенциальную возможность извлечения доходов или даже просто более комфортная, чем ратная служба, не оплачивает долга каждого дворянина перед государем и государством: «И я сему не могу веры нять, чтоб таких здоровяков, и в службе не бывавших, великий государь в судьи пожаловал. Видим мы все, что его величество даром никого не жалует, а жалует за службу да за выслугу». ⁶⁸ Несколько позднее, в эпоху русского Просвещения, «le militaire étant chez nous l'état le plus respecté», как писала кн. Дашкова, ⁶⁹ дворяне по-прежнему не слишком охотно поступали даже на руководящие должности в административных и судебных учреждениях (за исключением элитных столичных «мест») и во что бы то ни было старались избежать канцелярской службы (чины от секретаря и ниже). ⁷⁰

Подведем итоги. Во второй половине XVII в. дьяки (значительная часть которых по своему происхождению принадлежала к людям родословным) и подьячие (в подавляющем большинстве выходцы из простонародья) добивались закрепления за приказной работой привилегий службы. Правительство на практике шло им навстречу, жалуя их земельными и денежными окладами. В то же время, деловое письмо сохраняло приниженный культурный статус физического труда и власть поддерживала формальное разграничение понятий службы и приказной работы. В Московском государстве «приказная служба, даже в высоком дьячем чине, не считалась почетной и достойной дворянина». ⁷¹ Первый российский император, напротив, сделал решительный концептуальный шаг по объединению понятий службы и приказной работы посредством отсылки к представлению пользы государству и разрушением табу на деловое письмо. С другой стороны, Петр I не смог, по экономическим причинам, обеспечить статским чинам тот материальный блеск, который должен был, согласно его намерению, придать им привлекательность в глазах дворян, и главное, брезгуя разом ввести в ряды дворянства несколько тысяч «подлых» по происхождению подьячих, царь оставил писарские должности - основную массу канцелярского труда - за рамками Табели о рангах. В результате, если новое понятие службы с пером в руках надежно закрепилось в концептуальном аппарате россиян, то в канцеляриях надолго удержались нравы «мелких людей».

Anna Joukovskaïa
25, bd. de Bonne Nouvelle
75002 Paris
France

68 *Посошков И. Т.* Книга о скудости... С. 97.

69 Письмо Е.Р. Дашковой Вильяму Робертсону, 9 октября 1776 г. (Лондон) // *Дашкова Е.Р.* О смысле слова "воспитание": Сочинения, письма, документы / Сост., прим. Г.И. Смагиной. СПб., 2001. С. 11.

70 *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., Наука, 1974. С. 213-215; *Pintner W.M.*, «The evolution of civil officialdom, 1755-1855» / *W.M. Pintner, D.K. Rowney* (eds.), *Russian officialdom: The bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century.* The University of North Carolina Press, 1980. С. 190-249; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., РОССПЭН, 2007.

71 *Богоявленский С.К.* «Социальное происхождение...» С. 396.

anna.joukovskaia@gmail.com